

Научная статья

УДК 343.85

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.024-032

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБЪЕДИНЕННОГО ТИПА

Андрей Петрович Скиба^{1,2}, Алексей Владимирович Петрянин³

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, apskiba@mail.ru

² Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

³ Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия, petryanin@mail.ru

Аннотация. В статье с учетом недостатков российского уголовно-исполнительного и иного законодательства, а также результатов сравнительного анализа с зарубежными нормативными правовыми актами на примере деятельности учреждений объединенного типа выделяются возможности повышения эффективности противодействия преступлениям с признаками экстремизма, совершаемым осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми: изоляция осужденных за преступления экстремистского или террористического характера от основной массы содержащихся лиц и раздельное содержание между собой в зависимости от их индивидуальных характеристик как в отдельном специализированном учреждении объединенного типа по России, так и в соответствующих локальных участках таких учреждений; акцентированное применение к ним комплекса режимных, оперативных, воспитательных, психологических и иных мер, а также общественного воздействия; унификация практики исправительно-профилактической работы с рассматриваемой категорией осужденных и их досрочного освобождения от отбывания наказания.

Ключевые слова: учреждения объединенного типа, противодействие преступлениям экстремистской направленности, исправление осужденных, предупреждение преступлений и иных правонарушений, условно-досрочное освобождение, профилактический учет, религиозные организации

Для цитирования

Скиба А. П., Петрянин А. В. Повышение эффективности противодействия преступлениям экстремистской направленности на примере деятельности учреждений объединенного типа // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 1. С. 24–32. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.024-032.

Original article

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF COUNTERING EXTREMIST CRIMES USING THE EXAMPLE OF JOINT TYPE INSTITUTIONS

Andrey Petrovich Skiba^{1,2}, Alexey Vladimirovich Petryanin³

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru

² Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

³ Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, petryanin@mail.ru

Abstract. Taking into account the shortcomings of Russian penal and other legislation, as well as the results of a comparative analysis with foreign regulatory legal acts, the article highlights the possibilities of improving the effectiveness of countering crimes with signs of extremism committed by convicts, suspects and accused: isolation of those convicted of crimes of an extremist or terrorist nature from the bulk of the detained persons and separation from each other, depending on their individual characteristics, both in a separate specialized institution of a combined type in Russia and in the corresponding local areas of such institutions; the emphasized application of a complex of regime, operational, educational, psychological and other measures to them, and also public impact; unification of the practice of correctional and preventive work with the category of convicts in question and their early release from serving their sentences.

Keywords: joint type institutions, counteraction to extremist crimes, correction of convicts, prevention of crimes and other offenses, parole, preventive accounting, religious organizations

For citation

Skiba, A. P. & Petryanin, A. V. 2025, 'Improving the effectiveness of countering extremist crimes using the example of joint type institutions', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 1, pp. 24–32, doi: 10.33463/2687-122X.2024.20(1-4).1.024-032.

Учреждения объединенного типа фактически представляют собой новую основу организации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС), что нашло свое закрепление в Законе РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 № 1138-р) и иных документах. Смысл их создания заключается в том, чтобы в одном регионе или на межрегиональной основе сосредотачивались исправительные учреждения (ИУ) и следственные изоляторы (СИЗО) в едином центре, модернизировались и унифицировались имеющиеся технологии в сфере обеспечения режима и развития производственного сектора, а также предусматривался клиентоцентричный подход к созданию условий для содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых, предоставления свиданий с их родственниками, осуществления деятель-

ности адвокатов и общественных организаций, включая оборудование помещений для предоставления свиданий, а также для осуществления деятельности судов, органов прокуратуры, следователей, в том числе оборудование помещений для осуществления их деятельности (разд. VII Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года).

Соглашаясь с мнением Ю. П. Синельщикова, поддерживающего необходимость создания учреждений объединенного типа, но выразившего ряд озабоченностей по поводу дополнительного расходования денежных средств по их строительству вдали от крупных городов, трудностей с обеспечением изоляции разных категорий содержащихся лиц, а также реализацией их некоторых прав (в частности, на свободу совести и свободу вероисповедания), сложностей по созданию инфраструктуры для проживания сотрудников и их подбора в связи с новыми требованиями, предъявляемыми к ним [1, с. 368–374], мы считаем, что создание рассматриваемых учреждений повысит эффективность противодействия преступлениям, особенно экстремистского характера, угрожающим безопасности Российской Федерации.

В учреждениях УИС, имеющих одно из основополагающих значений в обеспечении безопасности нашей страны, противодействие преступлениям экстремистского характера должно быть на наиболее высоком уровне, особенно с учетом того, что в условиях изоляции содержатся наиболее опасные лица – осужденные, подозреваемые и обвиняемые, являющиеся приверженцами различных экстремистских или террористических организаций (АУЕ, радикальных квазирелигиозных организаций, украинских военизированных националистических объединений и т. п.).

Особенно это важно с учетом фактически ведущейся так называемой гибридной войны против России, включающей в себя новые средства достижения ее стратегического поражения (как это официально обозначается высшими должностными лицами ряда западных государств). Нельзя забывать и о пропагандистско-идеологическом воздействии из-за рубежа на российских граждан, иногда приводящем к совершению ими провокаций, преступлений и иных правонарушений, в том числе экстремистского характера, фактически направленном против нашего государства и (или) его органов, важнейших общественных институтов, наиболее значимых нематериальных благ. В последние годы подобные проявления различного рода имеют место и в ИУ, нередко с квазирелигиозной подоплекой, направленные на дестабилизацию деятельности УИС и фактически представляющие собой враждебные действия (или непосредственно связанные с ними) в отношении государственных институтов России в целом. Ввиду этого, кроме усиления боевого и иного потенциала нашей страны для обеспечения ее суверенитета, представляется также необходимой разработка теоретических аспектов и правовой основы деятельности государственных органов, в том числе по исполнению уголовных наказаний, не только в условиях «классической» агрессии против России, но с учетом применения против нее новых форматов деструктивного противодействия [2, с. 300–308; 3, с. 56–65].

Однако до сих пор уголовно-исполнительное и иное законодательство не надлежаще регулирует вопросы специализированного исправительно-профилактического воздействия в отношении такой специфической категории лиц, как осужденные за преступления экстремистского характера, когда в их отношении преимущественно лишь предусматривается установление административного надзора [ст. 173.1 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК РФ)], возможность

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

отбывания лишения свободы за пределами территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены (ст. 73 УИК РФ), а также постановка на профилактический учет ряда лиц, в отношении которых требуется дополнительное оперативно-режимное обеспечение исполнения наказания: изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию, склонных к совершению преступлений террористического характера и экстремистской направленности, лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности (п. 24 Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72). Налицо отсутствие законодательного закрепления адекватных мер противодействия преступному и иному правонарушающему поведению осужденных за преступления экстремистского (террористического) характера, например, при определении перечня злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания (ч. 1 ст. 116 УИК РФ) или запретов перевода в колонию-поселение (ч. 3 ст. 78 УИК РФ) либо предоставления права выезда за пределы ИУ (ст. 97 УИК РФ). Кроме того, обращает на себя внимание то, что совершение многочисленных тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе экстремистского или террористического характера, не является основанием для введения режима особых условий в ИУ (ст. 85 УИК РФ), и его установление законодательно не предусмотрено при исполнении иных наказаний, не связанных с лишением свободы (например, принудительных работ).

При этом уголовно-исполнительное законодательство зарубежных стран содержит ряд примеров по акцентированному исправительно-профилактическому воздействию в отношении рассматриваемой категории лиц:

- согласно ст. 96 УИК Республики Казахстан не подлежат переводу в учреждения минимальной безопасности, помимо прочих, осужденные за террористические или экстремистские преступления;
- по ст. 113 УИК Республики Казахстан выезды из учреждений не предоставляются в том числе осужденным за террористические или экстремистские преступления;
- в соответствии со ст. 76 УИК Киргизской Республики не подлежат оставлению в СИЗО, направлению в тюрьму или исправительную колонию особого режима для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию осужденные за преступления террористического характера или экстремистской направленности;
- согласно ст. 79 УИК Киргизской Республики изолированно от других осужденных в ИУ содержатся осужденные за преступления террористического характера или экстремистской направленности;
- не подлежат переводу в колонию-поселение разные категории осужденных, включая осужденных за преступления террористического характера или экстремистской направленности (ст. 80 УИК Киргизской Республики);
- по ст. 96 УИК Киргизской Республики запрещается передвижение без конвоя или сопровождения за пределами охраняемой территории осужденных за преступления террористического характера или экстремистской направленности;
- выезды за пределы ИУ не предоставляются осужденным за преступления террористического характера, экстремистской направленности (ст. 97 УИК Киргизской Республики);
- осужденные за преступления террористического характера или экстремистской направленности в первоначальный период в соответствии со ст. 126 УИК Киргизской Республики содержатся на строгих условиях в исправительных колониях строгого режима.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Кроме необходимости разрешения указанных проблем, выделим несколько аспектов того, почему учреждения объединенного типа могут создать основу для повышения эффективности противодействия преступлениям с признаками экстремизма, совершаемым в исправительных учреждениях.

Во-первых, с учетом того, что нередко приверженцы различных экстремистских (террористических) идеологий при попадании в ИУ с содержанием осужденных по ряду начинают массово распространять свою радикальную идею, фактически вербуя новых сторонников, требуется их максимальная изоляция от основной массы содержащихся лиц, в том числе в отдельных (специализированных) ИУ (об этом неоднократно говорилось в юридической литературе [4, с. 115–120; 5, с. 101–106]). В этом случае возможно либо создание специализированного учреждения объединенного типа по России для содержания осужденных за преступления экстремистского или террористического характера, либо выделение на межрегиональной основе в конкретных учреждениях объединенного типа соответствующих локальных участков. Кроме того, по необходимости возможно и их дополнительное раздельное содержание в зависимости, например, от конфессиональной принадлежности и (или) отнесения к конкретной квазирелигиозной организации, национальности, гражданства, организаторской и иной роли в деятельности экстремистской (террористической) организации и т. п. В связи с этим отдельно выделим такие категории лиц, которые могут обладать специальной боевой, психологической, тактической и иной подготовкой, выделяются среди основной массы осужденных за преступления экстремистского или террористического характера: «духовных лидеров», «воров в законе» и иных руководителей экстремистской (террористической) организации, «фанатиков», наемников и военнопленных, особенно относящихся к начальствующему составу незаконных военизированных объединений (на это также обращается внимание исследователями [6]).

Во-вторых, изоляция в учреждениях объединенного типа осужденных, подозреваемых и обвиняемых, являющихся наиболее активными приверженцами радикальных идеологий, позволила бы не только локально концентрировать и изолировать их от основной массы содержащихся лиц, но и акцентированно применять к ним весь комплекс мер исправительно-профилактического воздействия. Особо выделим следующие аспекты деятельности сотрудников УИС:

– режимные, обеспечивающие использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных, а также их внешнюю изоляцию, включающую в себя недопущение попадания к ним изданий, пропагандирующих войну, разжигание национальной и религиозной вражды, культ насилия или жестокости, а также колюще-режущих и иных запрещенных предметов;

– оперативные, всесторонне реализующие проведение мероприятий по предупреждению, пресечению, выявлению и раскрытию преступлений и иных правонарушений, в том числе по осуществлению профилактического учета, а также в целом обеспечивающие личную безопасность осужденных, персонала учреждений УИС и иных лиц;

– воспитательные, со всевозможным акцентом на индивидуальную работу с данной категорией лиц, включая углубленную оценку степени их исправления, применение к ним мер поощрения (взыскания), уменьшение (увеличение) объема правоограничений в зависимости от их поведения и т. д.;

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

– психологические (медицинские), включающие в себя деятельность по оценке состояния здоровья осужденных, в том числе психического, по предупреждению суицидов, членовредительств и иных подобных девиантных действий.

Дополнительно нельзя не выделить необходимость надлежащей организации получения данными осужденными с учетом их негативных индивидуальных характеристик общего образования и профессиональной подготовки, а также их нравственного, правового, трудового и иного воспитания для более эффективного достижения целей уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ).

Требуется усилить и общественное воздействие в отношении осужденных за преступления экстремистского (террористического) характера, особенно со стороны религиозных организаций. Представляется, что в рамках реализации права осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания в рамках ст. 14 УИК РФ (в данном случае нами не затрагивается вопрос об усилении государственно-частного партнерства и взаимодействия учреждений и органов УИС с религиозными организациями в контексте предупреждения преступного и иного правонарушающего поведения осужденных [7; 8, с. 62–70]) именно священнослужители могли бы оказывать всестороннюю помощь осужденным по привитию традиционных ценностей в рамках конкретного вероисповедания, искоренению имеющихся у них радикальных взглядов и т. п.

В-третьих, содержание осужденных за преступления экстремистского или террористического характера в специализированном учреждении объединенного типа по России либо в конкретных локальных участках отдельных учреждений объединенного типа, действующих на межрегиональной основе, позволит концентрировать в таких регионах соответствующих специалистов Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) по линии режимной, оперативной, психологической, воспитательной и иной работе, отвечающих повышенным требованиям (о чем говорил Ю. П. Синельщиков [1, с. 368–374]), а также представителей общественности, в том числе Русской православной церкви и других религиозных организаций.

Это позволит не только унифицировать практику исправительно-профилактической работы с данной категорией осужденных и повысить ее эффективность, но и минимизировать случаи, когда в различных ИУ, особенно находящихся в разных регионах нашей страны и (или) отдаленных местностях в связи с нехваткой сотрудников УИС и наличием иных объективных обстоятельств такая деятельность может носить в той или иной степени формальный характер, что не позволяет эффективно достигать цели уголовно-исполнительного законодательства.

Кроме того, с учетом более акцентированного обращения внимания на организацию работы по исполнению наказания со стороны ФСИН России, религиозных и иных общественных организаций, на более объективную оценку исправления этой категории лиц, возможно, аналогичным образом данный подход распространится и на деятельность органов прокуратуры, осуществляющих надзор за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, судов, принимающих решения об условно-досрочном освобождении и разрешающих иные вопросы в стадии исполнения приговора, а также других государственных органов. Особенно это значимо с учетом наличия недостатков уголовного (ст. 79, 80, 81 и др. Уголовного кодекса РФ), уголовно-исполнительного (ст. 78 и 175 УИК РФ) и иного законодательства при формулировании критериев условно-досрочного освобождения и иных видов досрочного освобождения от отбывания наказания (вопрос о том, что в целом имеет место практика противоречивого применения мер поощрения (взыскания) к осужденным, оценки

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

степени исправления и, как следствие, их досрочного освобождения, активно обсуждается в юридической литературе [9, с. 59–63; 10, с. 523–534; 11; 12, с. 214–220; 13, с. 73–79].

Хотелось также отметить, что создание в рамках отдельных учреждений объединенного типа полного замкнутого цикла организации исполнения наказаний со стороны ФСИН России, включая деятельность лечебно-профилактических и лечебных исправительных учреждений, воспитательных колоний, арестных домов и исправительных центров (что еще также концептуально не решено [1, с. 368–374]), теоретически позволило бы повысить эффективность достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в целом и противодействия преступлениям и иным правонарушениям экстремистского характера осужденных в частности не только при исполнении лишения свободы, но и иных наказаний. Представляется, что подобный подход позволил бы в наибольшей степени надлежаше осуществлять дифференцированное исполнение наказания посредством разделения осужденных на однородные группы с учетом всестороннего учета их индивидуальных характеристик (что активно обсуждается специалистами [14, с. 145–150; 15; 16, с. 87–96] безотносительно рассматриваемой нами категории лиц).

Изложенное свидетельствует об актуальности совершенствования теоретических аспектов и практической реализации учреждений объединенного типа в контексте повышения эффективности как противодействия преступлениям экстремистского характера осужденных, подозреваемых и обвиняемых, так и в целом достижения целей уголовно-исполнительного законодательства.

Список источников

1. Синельщиков Ю. П. Закон об учреждениях объединенного типа: взгляд парламентария // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 3. С. 368–374.
2. Петрянин А. В., Богомолов С. Ю., Неганов Д. А. Гибридная война как современный, деструктивный феномен // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 2. С. 300–308.
3. Скиба А. П., Кокиев А. Ж. «Стандартное» уголовно-исполнительное законодательство как правовая основа исполнения наказания при отсутствии чрезвычайных обстоятельств: постановка проблемы // Вестник Кузбасского института. 2024. № 4(61). С. 56–65.
4. Кириллов М. А., Петрянин А. В., Пшеничнов И. М. Экстремизм в учреждениях и органах, исполняющих наказание: современное состояние, направления оптимизации противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4(64). С. 115–120.
5. Петрянин А. В. Пенологические особенности предупреждения преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 101–106.
6. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / под общ. ред. А. А. Крымова; науч. ред. А. П. Скибы. 4-е изд., исправл. и доп. М. : Криминологическая библиотека, 2022. 362 с.
7. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере : монография / под ред. А. П. Скибы. Рязань : Академия ФСИН России, 2023. 220 с.
8. Скиба А. П., Скоморох О. А. Организационно-правовые проблемы противодействия радикальным проявлениям осужденных к лишению свободы в контексте обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1(99). С. 62–70.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

9. Грушин Ф. В. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: некоторые аспекты функционирования // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика*. 2021. № 1(27). С. 59–63.

10. Давыдова И. А. Дисциплинарная ответственность осужденных: направления совершенствования российского уголовно-исполнительного законодательства на основе зарубежного опыта // *Уголовно-исполнительное право*. 2023. Т. 18(1–4), № 4. С. 523–534.

11. Дикаева Э. С. Органы внутренних дел в системе профилактики преступности условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 264 с.

12. Метлин Д. Г. Проблема рационального применения мер взыскания к осужденным, отбывающим лишение свободы, в отечественных пенитенциарных учреждениях // *Уголовно-исполнительное право*. 2022. Т. 17(1–4), № 2. С. 214–220.

13. Уразбаев Р. Ш., Барабанова С. В. Противоречие оснований условно-досрочного освобождения целям наказания, установленным в части 2 статьи 43 УК РФ // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. 2018. № 1(42). С. 73–79.

14. Кириллов М. А., Петрянин А. В., Савельев В. В. Реализация принципа дифференциации исполнения наказания в нормах уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 4(48). С. 145–150.

15. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть : учебник / под ред. М. П. Мелентьева, Н. А. Стручкова, И. В. Шмарова. Рязань, 1987. 351 с.

16. Тепляшин П. В., Тепляшина Е. А. Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации // *Вестник Кузбасского института*. 2019. № 3(40). С. 87–96.

References

1. Sinelshchikov, Yu. P. 2024, 'The law on joint type institutions: a parliamentarian's view', *Penal law*, vol. 19(1-4), iss. 3, pp. 368–374.

2. Petryanin, A. V., Bogomolov, S. Yu. & Neganov, D. A. 2024, 'Hybrid warfare as a modern, destructive phenomenon', *Penal Law*, vol. 19(1–4), iss. 2, pp. 300–308.

3. Skiba, A. P. & Kokiev, A. J. 2024, "'Standard" penal legislation as the legal basis for the execution of punishment in the absence of extraordinary circumstances: problem statement', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 4(61), pp. 56–65.

4. Kirillov, M. A., Petryanin, A. V. & Pshenichnov, I. M. 2023, 'Extremism in institutions and bodies executing punishment: current state, directions for optimizing counteraction', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(64), pp. 115–120.

5. Petryanin, A. V. 2013, 'Penological features of the prevention of extremist crimes', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 23, pp. 101–106.

6. Krymov, A. A. & Skiba, A. P. (eds) 2022, *Penal legislation in the conditions of a natural disaster, the imposition of an emergency or martial law: monograph*, 4th edn, Criminological Library, Moscow.

7. Skiba, A. P. (ed.) 2023, *Public-private partnership in the penitentiary sector: monograph*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

8. Skiba, A. P. & Skomorokh, O. A. 2024, 'Organizational and legal problems of countering radical manifestations of those sentenced to imprisonment in the context of ensuring freedom

of conscience and freedom of religion', *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, iss. 1(99), pp. 62–70.

9. Grushin, F. V. 2021, 'Institute of parole from serving a sentence: some aspects of functioning', *Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice*, iss. 1(27), pp. 59–63.

10. Davydova, I. A. 2023, 'Disciplinary responsibility of convicts: directions for improving Russian penal legislation based on foreign experience', *Penal law*, vol. 18(1–4), iss. 4, pp. 523–534.

11. Dikaeva, E. S. 2024, *Internal affairs bodies in the crime prevention system of those released on parole from serving sentences of imprisonment: PhD thesis (Law)*, St. Petersburg.

12. Metlin, D. G. 2022, 'The problem of the rational application of penalties to convicts serving imprisonment in domestic penitentiary institutions', *Penal law*, vol. 17(1–4), iss. 2, pp. 214–220.

13. Urazbaev, R. Sh. & Barabanova, S. V. 2018, 'Contradiction of the grounds for parole to the purposes of punishment established in part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation', *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(42), pp. 73–79.

14. Kirillov, M. A., Petryanin, A. V. & Savelyev, V. V. 2019, 'Implementation of the principle of differentiation of punishment in the norms of the penal legislation of the Russian Federation', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(48), pp. 145–150.

15. Melentyev, M. P., Struchkov, N. A. & Shmarov, I. V. (eds) 1987, *Soviet correctional labor law. General part: textbook*, Ryazan.

16. Teplyashin, P. V. & Teplyashina, E. A. 2019, 'Execution of imprisonment in relation to elderly convicts: prospects for expanding the implementation of the principle of differentiation', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 3(40), pp. 87–96.

Информация об авторах

А. П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник (Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации); профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными (Академия ФСИН России);

А. В. Петрянин – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала.

Information about the authors

A. P. Skiba – Sc.D (Law), Professor, chief researcher (St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation); professor of penal law and organization of educational work with convicts department (Academy of the FPS of Russia);

A. V. Petryanin – Sc.D (Law), Professor, director of the Nizhny Novgorod Branch.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 25.03.2025.